159 6/106

С 4 5/9

В. АФАНАСЬЕВЪ.

59 5/51

Медаль въ память Отечественной войны.

Гдѣ быть музею 1812 года.

2917/13

Дар 1906 б
31 марта 1908

Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы...

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

МОСКВА.
1907.

В. АФАНАСЬЕВЪ.

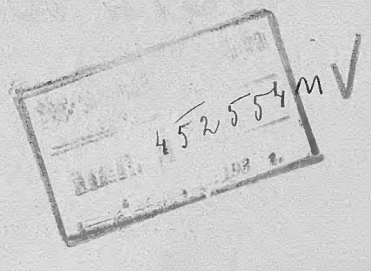
Др. 2312
59 5/51.
159 6/106

Медаль въ память Отечественной войны.

Гдѣ быть музею 1812 года.

Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы...

МОСКВА.
1907.


452554 M

Письмо къ Редактору Русскаго Инвалида.

Милостивый Государь

Г. Редакторъ!

Черезъ пять лѣтъ наступаетъ 100-лѣтняя годовщина великой отечественной войны.

Не мало различныхъ памятниковъ воздвигнуто уже по Россіи, но кажется нѣкоторыхъ все-таки еще не достаетъ.

Вѣдь много драгоцѣнныхъ сокровищъ эпохи 1812 года разсѣяно по лицу Россіи, которыя или съ честью помѣщены подъ сѣнью величественныхъ храмовъ (Казанскій соборъ, Чудовъ монастырь), или скромно украшаютъ далекія дворянскія усадьбы, ожидая въ неизвѣстности своей участи.

Того ли заслужили эти безмолвные свидѣтели нашествія величайшаго полководца?

Какъ ни странно, но у насъ все еще нѣтъ музея 1812 года, какъ есть, напримѣръ, музей Севастопольской обороны.

Оказывается, что при желаніи даже некуда и направить тѣ семейные документы прошлаго вѣка изъ нѣкогда гремѣвшихъ Подмосковныхъ, Саратовскихъ, Тамбовскихъ и другихъ помѣстій, исчезающихъ мало по малу съ лица земли.

При отсутствіи спеціальнаго музея, многіе драгоцѣнные документы пропадутъ для исторіи безвозвратно и никакими деньгами впослѣдствіи куплены быть не могутъ.

Вѣдь многое могъ-бы навѣять и поразсказать всякому тотъ несозданный еще памятникъ—музей, бережно собравшій со всѣхъ сторонъ великія реликвіи «вѣчной памяти двѣнадцатаго года».

Воздвигнутые памятники-храмы созданы, конечно, для молитвы, а не для изученія или бѣглаго обзора отдаленной эпохи великой борьбы народовъ.

Неправда ли, жезлъ Маршала ДАВУ, прикрѣпленный къ стѣнѣ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ, лишь случайно попадается на глаза посѣтителю храма, пришедшему помолиться.

Въ спеціальномъ же музеѣ и жезлу, и знаменамъ, и отдѣльнымъ портретамъ, и манифестамъ нашлось бы каждому свое мѣсто.

Почему, казалось бы, Русскому Инвалиду, ведущему свое начало именно отъ памятной годины, не взять на себя починъ въ дѣлѣ увѣковѣченія славныхъ событій 1812 года.

Столѣтняя годовщина нашествія двадесяти языковъ не за горами.

Совмѣстными трудами арміи и общества, конечно, вполнѣ возможно создать, въ нѣкогда сожженой столицѣ, достойный музей, подобно Вѣнскому Арсеналу, Берлинскому Цейхгаузу и Парижскому Дому Инвалидовъ.

Къ тому же серьезное начало патріотическому дѣлу уже положено. Въ штабѣ Московскаго военнаго округа хранится капиталъ въ 50.000 рублей, пожертвованный 19 марта 1903 года Московскимъ Коммерціи-Совѣтникомъ Иваномъ Андреевичемъ Колесниковымъ, на расходы по постройкѣ *зала-музея* 1812 года и пріюта для дѣтей офицеровъ тѣхъ частей Московскаго гарнизона, кои принимали участіе въ Отечественной войнѣ.

Севастопольскій музей создавался трудами защитниковъ, но много ли осталось славныхъ участниковъ двѣнадцатаго года?

Не слѣдуетъ ли поэтому намъ, потомкамъ героевъ Бородинскаго и иныхъ сраженій, дѣйствительно закрѣпить вѣчную память тѣхъ, о которыхъ ежегодно возносится тихое моленіе на богослуженіи въ день Рождества Христова.

Примите и прочее...

Вл. Афанасьевъ.

25 Января 1907 г.
г. Москва.

I.

5 Августа 1907 г. *).

Москва. . какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!

Девяносто пять лѣтъ тому назадъ, 4 и 5 августа 1812 года, подъ Смоленскомъ разыгрались кровавые бои соединившихся русскихъ армій съ войсками Наполеона. Эти бои и оставленіе 6-го числа Смоленска, послѣдующія затѣмъ столкновенія до Бородина, Бородинское сраженіе 26-го августа и дальнѣйшее отступленіе, — все это 95 лѣтъ назадъ несомнѣнно предвѣщало Москвѣ, что подъ стѣнами ея должны въ концѣ-концовъ появиться французскіе гости.

И это совершилось 2 сентября, когда великая армія Наполеона заняла опустѣвшую Москву. Такимъ образомъ, всего лишь пять лѣтъ осталось до памятной всей Россіи, и въ особенности Москвѣ, столѣтней годовщины нашествія двадесяти языковъ.

Что же слышно, что говорятъ по этому поводу въ Москвѣ? Да немного, если и не совсѣмъ мало.

Въ № 156 «Русскаго Инвалида», отъ 17 іюля, напечатано такое сообщеніе: «по докладу 30 іюня сего года начальника генеральнаго штаба, Государю Императору

---

*) Въ памятные дни сраженій двѣнадцатаго года подъ Смоленскомъ, Бородинымъ и оставленія девяносто пять лѣтъ назадъ Москвы, помѣщены были въ «Голосѣ Москвы» замѣтки, собранныя теперь въ одно цѣлое.

благоугодно было соизволить возложить разработку вопроса о созданіи военно-историческаго музея ко дню столѣтія Отечественной войны на члена Государственнаго Совѣта генерала отъ кавалеріи Сухотина».

Приближеніе столѣтней годовщины славной исторической эпохи 1812 г. побуждаетъ, по словамъ военной газеты, проводить въ жизнь вопросъ о военномъ музеѣ «энергично и неотлагательно» [1]).

Ну, слава Богу, въ добрый часъ!

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ указаннаго сообщенія:

Въ Мартѣ 1902 года, бывшій Военный Министръ представилъ всеподданнѣйшій докладъ объ образованіи въ память войны 1812 г военнаго музея.

Для осуществленія утвержденнаго доклада была образована комисія подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Обручева.

Комисія тотчасъ приступила къ разработкѣ программы предстоящаго ей дѣла и къ ознакомленію съ тѣмъ историческимъ матеріаломъ, которымъ можно было бы воспользоваться для будущаго музея.

Между прочимъ въ Берлинъ былъ командированъ членъ комисіи—генералъ Веденяпинъ, чтобъ ознакомиться съ устройствомъ «Берлинскаго королевскаго цейхгауза».

Но, горячо принявшись за дѣло, комисія не успѣла сдѣлать многаго; болѣзнь и затѣмъ смерть генералъ-адъютанта Обручева, смерть нѣкоторыхъ и выбытіе, вслѣдствіе служебныхъ назначеній, другихъ членовъ комисіи надолго задержали ея дѣятельность, а военныя дѣйствія въ Китаѣ и война съ Японіей окончательно пріостановили эту дѣятельность.

Однако близится время столѣтней годовщины славной исторической эпохи 1812 года и это побуждаетъ вызвать забытый вопросъ о военномъ музеѣ къ жизни и при томъ энергично и неотлагательно.

По докладу 30-го іюня сего года, начальника генеральнаго штаба, Государю Императору благоугодно было соизволить возложить разработку вопроса о созданіи военно-историческаго музея ко дню столѣтія Отечественной войны на члена Государственнаго Совѣта генерала отъ кавалеріи Сухотина.

Для облегченія того обширнаго труда, который выпалъ на долю генерала отъ кавалеріи Сухотина, его высокопревосходительству предоставлено право, по возложенному на него дѣлу, личнаго доклада Государю Императору и непосредственнаго сношенія съ министрами.

Имя Николая Николаевича Сухотина обѣщаетъ въ дѣлѣ созданія музея 1812 года многое. Энергія и рѣшительность его хорошо извѣстны, какъ по сооруженію новаго зданія Николаевской академіи генеральнаго штаба въ 1900—1901 году, Суворовскаго музея въ 1901 — 1903 году, такъ и по управленію Степнымъ генералъ-губернаторствомъ и командованію войсками Сибирскаго военнаго округа, особенно за время войны 1904 — 1905 года, когда Сибирская желѣзная дорога и все двигавшееся по ней сдерживалось (теперь это не секретъ) могучею рукою Николая Николаевича Сухотина.

Исполать ему и на этомъ новомъ дѣлѣ!

Лица, недавно бывшія въ Петербургѣ, передавали, что генералъ Сухотинъ, какъ всегда, дѣятельно принялся уже за порученное ему дѣло, объѣхалъ, говорятъ, многихъ министровъ и, вѣроятно, предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ выѣхать съ докладомъ къ Государю.

Остается, казалось бы, только радоваться.

Выборъ генерала Сухотина, дѣйствительно, крайне желателенъ во всѣхъ отношеніяхъ, но для Москвы и насъ, москвичей, можетъ, однако, предвѣщать нѣкую неожиданность.

Вѣдь еслибы генералъ Сухотинъ жилъ въ Москвѣ, то нашей «московской чести» ничего не угрожало бы, и мы могли бы съ испытаннымъ уже терпѣніемъ ожидать музея 1812 года.

А тутъ этотъ всепритягивающій чиновный Петербургъ.

Вѣдь невская столица давно уже присвоила себѣ пальму первенства, несмотря на первородство Москвы, и многое спорное рѣшается въ пользу именно береговъ Невы.

Перефразируя слова Пушкина, (уроженца-то хоть, слава Богу, Москвы, но музей-пантеонъ имени котораго Академіей Наукъ рѣшено строить въ Петербургѣ)[2], можно ска-

---

[2]) Новое Время № 11305.

зать, что это опять старый споръ столицъ между собою, вопросъ, котораго не разрѣшить, конечно, и намъ.

Въ чемъ же дѣло и что можетъ, однако, безпокоить насъ, москвичей, въ дѣлѣ сооруженія музея 1812 года, столь прочно поставленнаго теперь на ноги? Да вотъ только это назначеніе лица изъ петербургскаго міра. А что, какъ у Н. Н. Сухотина созрѣла мысль, что музею двѣнадцатаго года надлежитъ быть въ Петербургѣ?

— Но это невозможно, - скажутъ многіе.—Петербургъ и двѣнадцатый годъ—что общаго между ними? Къ тому же вѣдь богатѣйшій *военный музей*, все еще называемый артиллерійскимъ, уже имѣется въ Петербургѣ.

«И невозможное бываетъ» — вспоминается однако изрѣченіе.

Пока еще не поздно и время не ушло, попробуемъ можетъ быть и лишній разъ, высказать нѣсколько мыслей о томъ, что музею двѣнадцатаго года нѣтъ другого мѣста на Руси, какъ только въ Москвѣ.—Не ломимся ли мы въ открытую дверь? — подумаютъ нѣкоторые. Ну, не совсѣмъ-то въ открытую, во всякомъ случаѣ, qui vivra — verra.

* * *

О томъ, что Наполеонъ, задумывая свой грандіозный походъ 1812 года въ Россію, имѣлъ конечною цѣлью Москву, врядъ ли придется сколько - нибудь распространяться въ настоящее время. Это хорошо извѣстно, полагаемъ, всѣмъ. Но скептикамъ и лицамъ недостаточно полно знакомымъ съ исторіей 1812 года, не можемъ не указать на скромные «Разсказы 1810—1813 годовъ», напечатанные въ Русскомъ Вѣстникѣ 1878 г., гдѣ въ главѣ IX (кн. VIII Русск. Вѣстника) говорится:

«Въ 1811 году открыли (въ Москвѣ) одно тайное общество, въ которомъ находились молодые люди хорошихъ семействъ, и дознано было, что занимаются они рисовань-

емъ подробныхъ картъ Россіи и *въ особенности Москвы*, для отправки въ чужіе края».

Думаемъ, что эти безхитростныя воспоминанія старушки, не посвященной, конечно, въ замыслы Наполеоновскаго генія, лишній разъ могутъ убѣдить, что еще въ 1810 и 1811 годахъ Наполеонъ основательно думалъ о Москвѣ, и что его эмиссары, повидимому, не теряли времени даромъ.

И появленіе французскихъ войскъ 2-го сентября 1812 года подъ стѣнами Бѣлокаменной было исполненіемъ давно задуманнаго Наполеономъ плана, вѣнцомъ его затаенныхъ желаній, но въ то же время началомъ его конца.

Но горе, одно только горе, сторожило вошедшихъ 2 сентября въ Москву французовъ.

«Я не положу оружія», возвѣщалъ Императоръ Александръ I въ манифестѣ своемъ 13 іюня изъ Вильны, «доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ». Обѣщаніе это было исполнено, и семь мѣсяцевъ спустя, 25-го декабря, въ той-же Вильнѣ былъ подписанъ другой манифестъ, гдѣ указывалось, что «въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа».

Въ манифестѣ же, объ учрежденіи серебряной медали для войскъ въ память 1812 г., говорилось:

«Славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ и не *умолкнутъ* содѣянныя въ немъ громкія дѣла и подвиги ваши».

А изъ всей ярости и свирѣпства вражескихъ силъ остался, по словамъ манифеста, «одинъ только *стонъ и шумъ гибели*».

По словамъ адмирала А. Шишкова [3]), автора большинства, такъ много и до сего времени говорящихъ рус-

---

[3]) „Краткія записки адмирала А. Шишкова во время пребыванія при Государѣ Императорѣ Александрѣ I въ 1812 г.“ Спб. 1831 г. Стр. 69.

скому сердцу, манифестовъ двѣнадцатаго года, въ Петербургѣ, до 6 декабря 1812 г.—времени выѣзда Императора Александра къ арміямъ въ Вильну, т. е. ранѣе изданія приведенныхъ манифестовъ, были написаны еще и слѣдующіе указы и рескрипты:

I) Указъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, отъ 14 ноября о собираніи *въ Москву* всѣхъ взятыхъ у непріятеля пушекъ для сооруженія изъ нихъ *памятника*, гдѣ указывалось: «всю отбитую у непріятеля въ разныхъ сраженіяхъ артиллерію, повелѣли Мы Генералъ-Фельдмаршалу Кутузову, препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ, отнятыхъ у нихъ орудій, воздвигнутъ увѣнчанный лаврами столбъ, и далѣе: Вслѣдствіе сего, имѣете вы сдѣлать подлежащее распоряженія о пріемѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія [4]).

II) Рескриптъ гражданскимъ губернаторамъ объ отобраніи у поселянъ и производствѣ приносителямъ положенной платы за отбитое ими у непріятеля оружіе [5]), о чемъ, по словамъ Шишкова, было издано, кромѣ того, еще и особое объявленіе для чтенія въ церквахъ.

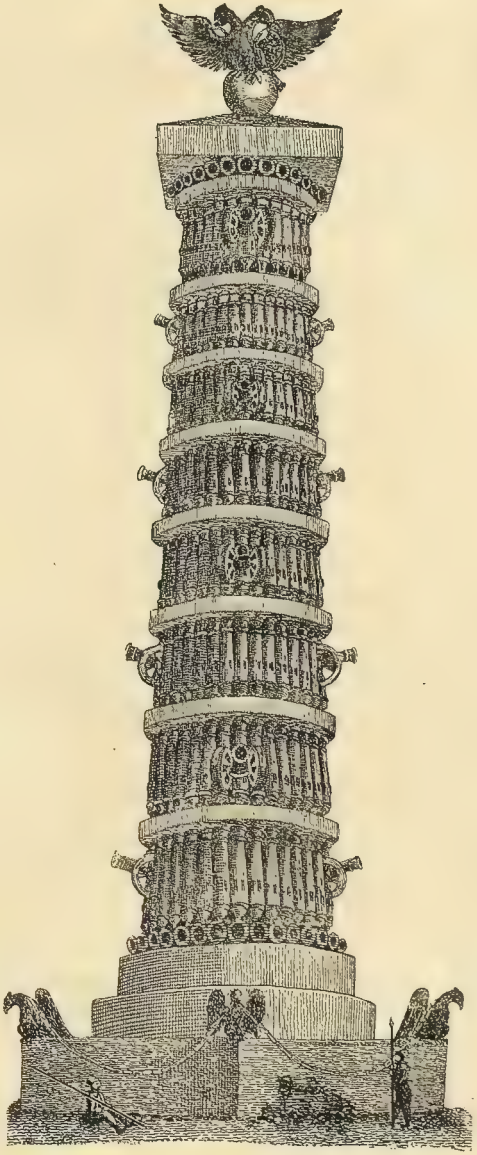
И такъ, еще до конца славнаго для Россіи года, повидимому, совершенно созрѣла у Императора Александра I мысль о сооруженіи въ Москвѣ памятника изъ того самаго непріятельскаго оружія, которое было обращено противъ насъ.

Собранныя, въ силу Высочайшаго повелѣнія, непріятельскія пушки, эти безмолвные свидѣтели великаго на-

---

[4]) „Русь и Русскіе въ 1812 г.“ Е. М. Любецкаго. Москва 1869 г., стр. 78. Въ матеріалахъ къ исторіи 1812 г., издаваемыхъ П. И. Щукинымъ, мы нашли и проектъ этого памятника, здѣсь приложенный. ч. 6, изд. 1901 г.

[5]) Значится подъ № 25273 именнымъ Высочайшимъ указомъ 23 ноября 1812 г. „Хронологическій указатель къ полному собранію законовъ“. Петербургъ. 1851 года.



Проектъ памятника 1812 года въ Москвѣ изъ отбитыхъ непріятельскихъ орудій.

Изъ сборника матеріаловъ, относящихся до Отечественной войны, П. И. Щукина ч. 6. Москва 1901 г.

шествія, размѣщены и донынѣ у стѣнъ кремлевскаго арсенала, все еще ожидая своего, указаннаго имъ въ 1812 г., предназначенія.

Мѣсто этому памятнику (Kanonen Monument), предположено было при спускѣ набережной храма Спасителя къ рѣкѣ, гдѣ должны были быть воздвигнуты два обелиска *мѣсто имъ* дѣйствительно и оставлено по сторонамъ спуска): одинъ—изъ орудій, отнятыхъ у непріятеля въ предѣлахъ отечества въ 1812 г., а другой—изъ орудій, отнятыхъ за-границей въ 1813—1814 годахъ [6]).

Такимъ образомъ, мѣсто обоимъ памятникамъ было указано еще въ 1812 г. Императоромъ Александромъ именно въ Москвѣ. Здѣсь же, казалось бы, слѣдуетъ быть и третьему, т. е. музею 1812 года, тѣмъ болѣе, что мысль объ этомъ также не была чужда Императору Александру. Къ этому заключенію приводитъ насъ указанный рескриптъ гражданскимъ губернаторамъ объ отобраніи у поселянъ непріятельскаго оружія и слѣдующее объявленіе къ № 8 «Московскихъ Вѣдомостей» 1813 года, которое гласитъ: «Во исполненіе *Высочайшей Его Императорскаго Величества воли*, приступая къ *собиранію* обстоятельныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о всѣхъ важныхъ и примѣчанія достойныхъ происшествіяхъ и анекдотахъ, случившихся въ Москвѣ и окрестностяхъ оной во время нашествія непріятеля, долгомъ поставляю просить всѣхъ любителей исторіи и славы отечественной о споспѣшествованіи мнѣ въ трудѣ моемъ.

Января 25 дня.

Яковъ Бардовскій,

«титулярный совѣтникъ, членъ общества при Императорскомъ московскомъ университетѣ исторіи и древностей россійскихъ и любителей россійской словесности».

---

6) М. Т. Селезневъ. „Любопытные разсказы изъ 1812 г. съ описаніемъ храма Спасителя и другихъ памятниковъ Отечественной войны“. Москва, 1890 г. Стр. 507.

Къ сожалѣнію, мы не нашли пока никакихъ слѣдовъ этого обращенія къ любителямъ славы отечественной, но, несомнѣнно, на объявленіе это слѣдуетъ смотрѣть какъ на попытку тогда же собрать возможно достовѣрныя свѣдѣнія для исторіи, а можетъ быть и кое что для музея.

Во всякомъ случаѣ, и здѣсь мы видимъ новую заботу Императора Александра I о сохраненіи въ Москвѣ памяти двѣнадцатаго года.

И эти помыслы Благословеннаго Александра не слѣдуетъ забывать и въ наши дни—окончательнаго завершенія памяти приснопамятнаго года.

II.

26 Августа 1812—1907 года.

95-лѣтняя годовщина Бородина.

Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина.

Въ памятный день Бородинскаго сраженія невольно хочется высказать нѣсколько мыслей о лучшемъ способѣ увѣковѣченія этого и другихъ славныхъ дней двѣнадцатаго года.

Теперь вѣдь въ немногихъ даже церквахъ отслужатъ панихиду, пропоютъ въ полупустой церкви *вѣчную память* «всѣмъ, за вѣру и отечество животъ свой положившимъ», и тѣмъ чествованіе памятнаго дня окончится. Къ сожалѣнію, такъ именно было даже въ Спасо-Бородинскомъ монастырѣ [7]).

Гдѣ же, собственно говоря, прославленіе памяти героевъ и восхваленіе подвиговъ тѣхъ, которые, по словамъ архіепископа Августина, сказаннымъ въ день закладки

---

[7]) См. Русскую Землю № 459. „Заброшенная слава".

храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, 12 октября 1817 года, «своими достохвальными подвигами на полѣ браней, содѣлали имена свои *достойными вѣчнаго благословенія* нашего» [8]).

Что дошло до насъ отъ этихъ славныхъ именъ? Чѣмъ могутъ почившіе съ честью на поляхъ бородинскихъ, тарутинскихъ и смоленскихъ теперь напомнить намъ о себѣ?

Отвѣтъ короткій—пока ничѣмъ.

Иное дѣло, еслибы у насъ былъ музей 1812 года. Тогда можно думать, что дни памятныхъ сраженій, возбудивъ невольное вниманіе къ славному прошлому, вѣроятно, привлекли бы въ музей двѣнадцатаго года и просто любопытствующихъ, и лицъ, спеціально вспомнившихъ, пожелавшихъ лишній разъ взглянуть на нѣмыхъ свидѣтелей нѣкогда страшныхъ дней.

Думаемъ, что день Бородина, вѣроятно, болѣе другихъ привлекъ бы москвичей къ себѣ въ музей, сооруженіе котораго, какъ извѣстно, вопросъ рѣшенный, хотя и не вполнѣ опредѣленно относительно мѣста.

И посѣщеніе музея, особенно въ такіе дни, укрѣпляло бы въ народныхъ массахъ память о славныхъ событіяхъ и отдѣльныхъ подвигахъ далекаго дня, въ ожиданіи котораго, по образному выраженію поэта, «такъ ликовалъ французъ».

А пріѣзжіе иностранцы, любознательные болѣе насъ, обязательно посѣщая музей, не могли бы не отдать дань удивленія странѣ, сломившей нѣкогда Наполеона.

Вѣдь собранные въ разныхъ мѣстахъ трофеи, немногіе оставшіеся предметы, принадлежавшіе участникамъ, все еще сокрытыя за семью печатями, въ архивахъ многочисленныхъ вѣдомствъ, подлинныя донесенія, реляціи, дѣла и, вообще, конечно, много цѣннаго, разбросаннаго на огромномъ пространствѣ, нетерпѣливо ждутъ спасенія своей

---

[8]) М. Мостовскій. „Историческое описаніе храма Христа Спасителя“. Москва, 1883 г., стр. 11.

участи въ спеціальномъ музеѣ, мѣсто которому, конечно, въ Москвѣ.

Вѣдь и Наполеонъ, отдавая свой приказъ передъ Бородинскимъ сраженіемъ, обратился къ войскамъ такъ: «да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ этомъ великомъ сраженіи подъ *стѣнами Москвы*». Простого указанія на Бородино, повидимому, было мало пылкимъ французамъ, и имъ, очевидно, необходимо было лишній разъ упомянуть про Москву, видѣть которую такъ и не пришлось многимъ изъ нихъ, жадно внимавшимъ утромъ 26 августа 1812 г. этимъ словамъ приказа.

Помыслы Императора Александра I объ увѣковѣченіи памяти двѣнадцатаго года были также сосредоточены всецѣло на Москвѣ. И это не могло быть иначе. Заслуги Москвы, вынесшей на себѣ всю тяжесть и спасшей въ двѣнадцатомъ году Россію, были дѣйствительно велики. Тогда это чувствовалось всѣми живѣе, конечно, чѣмъ теперь.

Въ Высочайшей грамотѣ, данной Императоромъ Александромъ I Москвѣ 30 августа 1816 года, въ первое его посѣщеніе послѣ 1812 года, говорилось такъ:

«Положивъ посѣтить свою древнюю столицу, дабы лично обозрѣть ея нужды и при томъ *ознаменовать передъ цѣлымъ свѣтомъ* ея незабвенныя заслуги, Божескимъ благословеніемъ осѣняемыя, чужеземными державами уважаемыя и толико достойныя любви и благодарности отъ насъ и отъ всего отечества» [9]).

Когда прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III впервые увидалъ Москву изъ Кунцева, то онъ благодарилъ оттуда ее за спасеніе своего государства,—такъ, по крайней мѣрѣ, гласитъ надпись на обелискѣ, воздвигнутомъ въ честь его въ Кунцевскомъ паркѣ.

По словамъ графа П. Д. Киселева, назначеннаго состоять при Фридрихѣ-Вильгельмѣ III, во время пребыва-

---

[9]) К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ Первый". Спб., т. IV, стр. 454.

нія его въ Россіи, въ 1818 г., прусскій король поинтересовался узнать, откуда въ Москвѣ можно обозрѣть ея развалины.

Ему было указано на домъ Пашкова, нынѣшній Румянцевскій музей. Взойдя въ бельведеръ и увидѣвъ воочію страшные слѣды непріятельскаго нашествія, этотъ «деревянный человѣкъ», какъ его тогда называли, къ величайшему изумленію своей свиты и окружающихъ, сталъ на колѣни, приказавъ и сыну сдѣлать то же, и отдалъ Москвѣ три земныхъ поклона, повторивъ нѣсколько разъ со слезами: «*вотъ наша спасительница*» [10]).

И неужели эту спасительницу Россіи и Европы могутъ лишить заслуженнаго ею памятника-музея и отдать его, въ силу какихъ-то, несомнѣнно, не могущихъ быть понятыми, соображеній Петербургу?

Но надо думать,—авось, до такого непониманія простыхъ вещей мы не дойдемъ, и музей рѣшено будетъ строить въ Москвѣ.

А если это такъ, то гдѣ именно въ Москвѣ ему надлежитъ быть? Выборъ мѣста не можетъ быть, конечно, большимъ, и его естественно искать гдѣ-либо около храма Спасителя. Только здѣсь ему и слѣдуетъ быть.

И такое мѣсто, дѣйствительно, здѣсь есть — удобное, *ничѣмъ пока незанятое* и вполнѣ достаточное по размѣрамъ.

Мы имѣемъ въ виду участокъ противъ главнаго входа храма Спасителя, на углу Лѣсного проѣзда (почему-то называемаго переулкомъ) и Обыденскаго переулка, площадью около 900 квадратныхъ саженъ, принадлежащій дому причта храма Спасителя, обнесенный въ настоящее время простымъ деревяннымъ заборомъ.

Указываемый участокъ былъ, въ числѣ прочихъ владѣній, именнымъ Высочайшимъ указомъ 2 сентября 1878 г.

---

[10]) Заблоцкій-Десятовскій. „Гр. П. Д. Киселевъ и его время". Спб., 1882 г. Т. 4. Стр. 7.

отчужденъ вмѣстѣ съ площадью и террасами храма и отданъ для устройства причтовыхъ помѣщеній [11]). Въ средней части его построенъ, сравнительно въ недавнее время, домъ для причта, а углы — указанный и къ Остоженкѣ— ничѣмъ, по счастливой для насъ случайности, не заняты, представляя собою, попросту говоря, пустыри. Такимъ образомъ, о новомъ отчужденіи этого участка говорить, слѣдовательно, не приходится, и онъ, конечно, долженъ отойти подъ музей двѣнадцатаго года.

Генералу Сухотину, несомнѣнно, слѣдуетъ обратить на него свое вниманіе, такъ какъ лучшаго мѣста, да еще при такихъ условіяхъ, найти трудно.

Этотъ основательно запущенный пустырь страшно безобразитъ чудный общій видъ, открывающійся съ главнаго входа храма и террасы противъ него, съ лучшимъ въ Москвѣ цвѣтникомъ.

Даже какъ-то не вѣрится, чтобы въ центрѣ столицы, рядомъ съ величественнымъ храмомъ, на берегу рѣки, могъ существовать подобный, прямо-таки заброшенный, уголокъ провинціальнаго города. Пройдитесь, какъ-нибудь, по цвѣтнику храма, и вы убѣдитесь въ справедливости этого сами. Но разъ онъ фактически существуетъ, то, такъ сказать, самъ и напрашивается быть занятымъ подъ что-либо достойное стать рядомъ съ завѣщаннымъ Императоромъ Александромъ I храмомъ.

Да слѣдовало бы, кстати, разрѣшить продать и другой пустопорожній уголъ—къ Остоженкѣ, хотя бы въ пользу фонда будущаго музея, съ обязательствомъ постройки въ русскомъ стилѣ, вродѣ дома Игумнова на Полянкѣ, или дома Перцова, недавно оконченнаго, на набережной эколо храма Спасителя.

Указанное мѣсто, полагаемъ, удовлетворитъ всякимъ требованіямъ и вкусамъ.

---

[11]) М. Мостовскій. „Историческое описаніе храма Спасителя“ стр. 180.

Прежде всего—оно рядомъ съ главнымъ памятникомъ 1812 г.—храмомъ Спасителя, рядомъ же съ предположенными, по краямъ спуска къ Москвѣ-рѣкѣ, обелисками изъ отбитыхъ въ 1812—1814 г.г. французскихъ орудій, все еще ожидающихъ своей участи у стѣнъ кремлевскаго арсенала. Вблизи оканчивается постройкой чудный музей изящныхъ искусствъ имени Александра III, памятникъ которому воздвигается на противоположной сторонѣ храма, къ Каменному мосту. Съ постройкой здѣсь музея и постановкой указанныхъ обелисковъ, площадь эта должна называться *площадью 1812 года*, т. к. тогда все посвященное его памяти будетъ сосредоточено здѣсь.

И какъ было бы хорошо, еслибы при открытіи памятника Императору Александру III, окончаніе котораго можно ожидать, по слухамъ, къ 1909 г., была бы одновременно совершена и закладка музея 1812 года. Тогда имя Императора Александра III, столь много сдѣлавшаго для русскаго историческаго просвѣщенія, было бы невольно связано съ новымъ *историческимъ музеемъ*, мысли объ устройствѣ котораго занимали извѣстное мѣсто въ его царствованіе.

Пока же слѣдовало бы подумать о художественномъ конкурсѣ и объ отысканіи средствъ, необходимыхъ для постройки музея. Самая же постройка, при хорошо извѣстной энергіи генерала Сухотина, создавшаго новое зданіе академіи генеральнаго штаба въ 2 года, конечно, не заняла бы больше времени, и къ 1911 году музей могъ бы быть совершенно готовъ. Теперь же, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ готовиться къ нему, устраивая историческія выставки въ память 1812 г., энергично собирая все относящееся къ этому году, столь основательно разбросанное по разнымъ мѣстамъ, приводя собранное въ систему и подготовляя къ должному размѣщенію — въ будущемъ музеѣ.

Мѣстомъ выставки и предварительнаго сбора реликвій можетъ быть наполовину пустой Кремлевскій арсеналъ, куда по мысли Петра Великаго и слѣдовало направлять

различные трофеи [12]), и куда, вѣроятно, попала часть собраннаго у поселянъ непріятельскаго оружія.

А другіе музеи, частныя собранія и всякаго рода архивы должны передать и, такъ или иначе, уступить все относящееся до *нашествія французовъ*, признавъ, что музей 1812 года въ Москвѣ долженъ быть самымъ полнымъ и лучшимъ хранилищемъ памяти великихъ событій этого года.

И тогда всякій вошедшій поучался бы въ немъ

III.

La voilà enfin donc cette fameuse ville...
Слова Наполеона 2 сентября 1812 г. на Поклонной горѣ.

Въ понедѣльникъ, 2 сентября 1812 г., авангардъ французской арміи подъ начальствомъ Мюрата въ 4 часа дня вошелъ вслѣдъ за отходившими русскими войсками въ опустѣвшую Москву. Въ то время, когда нравственно удрученный своимъ рѣшеніемъ оставить столицу [13]), престарѣлый главнокомандующій Кутузовъ сидѣлъ на скамеечкѣ около рогожскаго кладбища, пропуская мимо себя прошедшую съ тяжелымъ сердцемъ черезъ Москву русскую армію, торжествующій Наполеонъ остановился въ ожиданіи донесеній Мюрата на Поклонной горѣ, окруженный своими маршалами и свитой.

Передъ французскими войсками, какъ на ладони, разстилалась Москва, сіяя обычнымъ блескомъ своихъ куполовъ и въ этотъ тяжелый для нея день.

«Такъ вотъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ», — произнесъ послѣ раздумья Наполеонъ и, обращаясь къ свитѣ, прибавилъ: «да и пора уже».

Затаенныя давнишнія желанія великаго полководца наконецъ сбылись...

---

[12]) И. Забѣлинъ. Исторія города Москвы. 1905 г. Часть I, стр. 414.

[13]) Кутузовъ, по словамъ находившагося при немъ Кайсарова, ночью послѣ военнаго совѣта на Филяхъ, 1 сентября, нѣсколько разъ плакалъ.

Пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ великой арміи о времени вступленія въ Москву и французы «съ двадесятью языкъ» вошли въ древнюю столицу московскихъ царей черезъ Калужскую, Дорогомиловскую, Прѣсненскую и Тверскую заставы. Наполеонъ, приказавъ своей гвардіи готовиться къ торжественному въѣзду на другой день, остановился на ночлегъ въ Дорогомиловскомъ предмѣстьѣ, въ простой харчевнѣ.

А изъ густой безпорядочной толпы, покидавшей вслѣдъ за русской арміей городъ съ другой стороны, среди обычнаго гула суеты и злобныхъ пожеланій врагу, слышались, утверждаютъ очевидцы, странныя предсказанія, что не сдобровать Бонапарту на понедѣльничьемъ новосельѣ въ Москвѣ.

Простодушный Московскій житель, въ книгѣ своей «Русскіе и Наполеонъ Бонопарте», изданной въ апрѣлѣ 1813 года, т.-е. непосредственно послѣ событій двѣнадцатаго года, предугадывая, по его словамъ, что многое впослѣдствіи будетъ писано *лживо или выдумано* [14]), такъ описываетъ, на *недвусмысленномъ* русскомъ языкѣ, вступленіе французовъ въ Москву 2 сентября: «вмѣсто торжественной встрѣчи, по примѣру Вѣны и другихъ европейскихъ столицъ, вмѣсто шумящей толпы, вмѣсто разряженныхъ дамъ, тѣснящихся у оконъ взглянуть на новаго Баярда, словомъ, вмѣсто всего этого, Мюратъ, во главѣ авангарда, наѣхалъ на Арбатской площади на хромого слесаря и двухъ пивоваровъ. Они одни и первые встрѣтили его неаполитанское величество въ столицѣ Россійской имперіи».

---

[14]) Курсивъ подлинника. „Русскіе и Наполеонъ Бонапарте или разсмотрѣніе поведенія нынѣшняго обладателя Франціи съ Тильзитскаго мира по изгнаніе его изъ древней россійской столицы, съ присовокупленіемъ многихъ любопытныхъ анекдотовъ и плана Москвы, въ коемъ означены сгорѣвшія и оставшіяся въ цѣлости части города". Издано Московскимъ жителемъ 1813 года. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго.

А самому, еще торжествовавшему, Наполеону вмѣсто властей и бояръ [15]), которыхъ онъ приказывалъ ему привести, около 10 часовъ слѣдующаго дня, наконецъ, привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили, все еще невѣрившему завоевателю почти всѣхъ столицъ Европы, что Москва пуста... Въ половинѣ одиннадцатаго утра вторника, 3 сентября, Наполеонъ, по свидѣтельству современниковъ, мрачно проѣхалъ черезъ Арбатъ къ Кремлю и расположился во дворцѣ московскихъ царей.

Уже вечеромъ 2 числа въ Москвѣ начались пожары, заставившіе 4 сентября перебраться Наполеона въ Петровскій дворецъ.

Такъ, 95 лѣтъ назадъ была принесена искупительной жертвой для спасенія Россіи Москва.

4 сентября изъ селенія Жилина, на Рязанской дорогѣ, главнокомандующій доносилъ Императору Александру: «по совѣщанію съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятеля войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя— вывезены.

«Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи», и далѣе: «пока армія Вашего Величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще *возвратная* [16]) потеря Москвы не есть потеря отечества.

Въ обнародованномъ, по Высочайшему повелѣнію, во всенародное извѣстіе, 8 сентября объявленіи о занятіи Москвы говорилось такъ:

---

[15]) „Allez et amenez moi les boyards", приказалъ 1 сентября Наполеонъ Дарю. – М. Богдановичъ, „Отечественная война 1812 г.", т. 2, стр. 283.

[16]) Курсивъ нашъ. „Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ россійской арміи противъ французовъ 1812 г." Спб. 1813 г. Стр. 73—75.

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и непоколебимой надежды, что всякое наносимое нынѣ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ преодолѣлъ наши силы, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій по совѣту съ первенствующими генералами нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, войдя въ нее, сдѣлаться повелителемъ всего россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать» [17]).

Какія простыя, но вмѣстѣ съ тѣмъ величественныя и пророческія слова!

Невольно приходятъ на мысль и слова одного изъ сентябрскихъ Ростопчинскихъ воззваній, гдѣ онъ по этому же поводу писалъ: «а Москва опять украсится, покажутся золотые верхи, дома каменные, понавалитъ народъ со всѣхъ концовъ» [18]).

Но, эта великая, принесенная 95 лѣтъ назадъ жертва требуетъ благодарной къ себѣ памяти.

Вѣдь храмъ Христа Спасителя, конечно, величественный памятникъ, но памятникъ за спасеніе всей Россіи, а

---

[17]) Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ 1812 г. Стр. 337.

[18]) Московскій житель 1813 г., стр. 113.

самой Москвѣ слѣдуетъ имѣть еще и собственный памятникъ—*музей двѣнадцатаго года*.

Посмотрите хотя бы на маленькую Болгарію. Едва только тридцать лѣтъ освободилась она отъ вѣкового владычества турокъ, а уже торжественно освящаетъ нынѣ памятники-храмы и памятники-музеи. Замѣтьте, что не памятникъ-музей, *а памятники-музеи* [19]).

И отраженныя эхомъ далекихъ, но близкихъ русскому сердцу, Балканскихъ горъ, радостные клики братскаго, освобожденнаго нами народа несомнѣнно побуждаютъ и насъ энергичнѣе взяться и окончательно довершить начатое Императоромъ Александромъ I утвержденіе памяти двѣнадцатаго года спеціальнымъ музеемъ въ Москвѣ.

Мѣсто ему, какъ мы видѣли, самою судьбою оставлено около храма Спасителя и ожидаетъ лишь времени торжественной закладки.

А нужныя средства, вѣроятно, найдутся. Припомнимъ, какъ строились у насъ другіе памятники и музеи. Возьмемъ, напримѣръ, только-что освященный памятникъ-храмъ Воскресенія Христова въ С.-Петербургѣ.

Изъ 4,606,756 руб., израсходованныхъ на его постройку, 1.133,605 рублей [20]), т.-е. $^1/_4$ часть, была пожертвована и собрана усердіемъ народа. «Но это могло быть собрано только на храмъ», возразятъ намъ. Хорошо, пусть будетъ такъ. Возьмемъ тогда Суворовскій музей въ С.-Петербургѣ, созданный энергіей и трудами генерала Сухотина, на котораго Высочайше возложена и разработка вопроса о музеѣ 1812 года.

Изъ 362,500 рублей общей стоимости музея, 300,000 рублей было пожертвовано, выручено и тѣмъ или другимъ способомъ собрано русскимъ народомъ и арміей. Тутъ бы-

---

[19]) Въ Плевнѣ, Порадимѣ, Горномъ Студнѣ и Бѣлѣ. — Правительственное сообщеніе 25 августа сего года и телеграммы 30 августа и 4 сентября.

[20]) См. „Новое Время“, 22 августа, № 11294.

ло все: и публичная лекція, и концерты, и доходы отъ сочиненій и пр.

Достоинъ также вниманія одинъ изъ способовъ пожертвованія со стороны арміи. 11 марта 1900 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе на установленіе въ этомъ году въ войсковыхъ частяхъ одного дня вольныхъ работъ, сверхъ обычныхъ, съ тѣмъ, чтобы заработокъ этого дня былъ отчисленъ въ Суворовскую складчину (на музей); въ частяхъ же, непроизводящихъ вольныхъ работъ, разрѣшены были добровольные взносы среди нижнихъ чиновъ. Этотъ Суворовскій рабочій день далъ около 75,000 рублей, а добровольные взносы нижнихъ чиновъ еще около 10,000 р. [21]).

И почему бы не быть Бородинскому рабочему дню! Это была бы достойная дань славнымъ дѣяніямъ предковъ отъ ихъ потомковъ.

Или возьмите музей изящныхъ искусствъ имени Александра III въ Москвѣ. Правда—онъ еще не оконченъ, но строится онъ на частныя пожертвованія (отъ казны отпущено было всего лишь 200.000 рублей), и главнѣйшій покровитель этого чуднаго музея, оберъ-гофмейстеръ Юрій Степановичъ Нечаевъ-Мальцевъ пожертвовалъ, по словамъ профессора И. Цвѣтаева, разновременно свыше 1.000.000 рублей, и всѣ работы и поставки оплачиваются въ настоящее время изъ его московской конторы.

А музей Севастопольской обороны? Основаніе ему было положено, по словамъ историческаго каталога музея, самими участниками славной обороны на средства, собранныя по подпискѣ.

И другого пути для музея 1812 года нѣтъ и не должно быть. Пора сознать, что общественныя сооруженія нужно дѣлать на общественныя средства, съ необходимой, конечно, помощью и поддержкой государства. Возьмемъ

---

[21]) Брошюра „Суворовскій музей“. Это было предложено нынѣ умершимъ ген.-лейт. Е. М. Бибиковымъ.

опять таки въ примѣръ маленькую Болгарію. нынѣ такъ торжественно отпраздновавшую свое освобожденіе памятниками-музеями на самихъ поляхъ сраженій. Возвратившіеся корреспонденты, несомнѣнно, сообщатъ намъ о точныхъ размѣрахъ народныхъ пожертвованій, которыя, какъ извѣстно были весьма значительными, какъ со стороны народа, такъ и арміи. А сгорѣвшая въ 1812 году Москва развѣ не заслуживаетъ вниманія всей Россіи, которая, конечно, обязана ей своимъ освобожденіемъ отъ нашествія великаго корсиканца. Полагаемъ, что такъ. И съ этимъ дѣломъ медлить не слѣдуетъ.

Эпоха гражданина Минина и нашествія двадесяти языковъ, конечно, не могутъ сравняться съ нашими временами *товарищескихъ освобожденій*, но усилія и огромныя жертвы двѣнадцатаго года требуютъ, въ благодарную къ себѣ память, еще нѣкоторыхъ дополнительныхъ жертвъ, дабы славная страница исторіи могла быть достойно закончена.

Намъ, москвичамъ, особенно пріятно узнать, что еще 19 марта 1903 года (день обычнаго концерта въ пользу инвалидовъ, установленнаго въ память взятія нашими войсками Парижа въ 1814 году), коммерціи (нынѣ дѣйст. ст.) совѣтникъ Иванъ Андреевичъ Колесниковъ представилъ бывшему начальнику штаба московскаго военнаго округа, генералу Соболеву, 50,000 рублей на расходы *по постройкѣ залы музея 1812 года* и школы-пріюта для дѣтей офицеровъ тѣхъ частей войскъ московскаго гарнизона, которыя принимали участіе въ Отечественной войнѣ. Сумма эта достигла, въ настоящее время, вѣроятно, около 60,000 руб. Мы слышали, что и нѣкоторыми другими лицами дѣлались также пожертвованія на музей 1812 года, но за неизвѣстностью мѣста сосредоточенія ихъ направляли въ Петербургъ.

Во всякомъ случаѣ, починъ—и починъ щедрый—сдѣланъ И. А. Колесниковымъ еще въ 1903 г., именно, *на музей 1812 года въ Москвѣ*,—а благое дѣло заглохнуть отъ недостатка средствъ не должно и не можетъ, особенно если за него взяться энергично.

Въ запискахъ Сегюра о войнѣ 1812 года есть очень интересныя для насъ строки: „товарищи, отдадимъ справедливость русскимъ. Жертва, принесенная ими, была огромна безусловно. Они не сожалѣютъ о своихъ потеряхъ и не требовали никакого возмездія, даже по занятіи непріятельской столицы (Парижа), обязанной имъ своимъ сохраненіемъ. Они снискали заслуженную славу, и когда болѣе утонченная образованность проникнетъ къ нимъ, тогда для этого *великаго* народа настанетъ *великая эпоха* и знаменитость сдѣлается его удѣломъ» [22]).

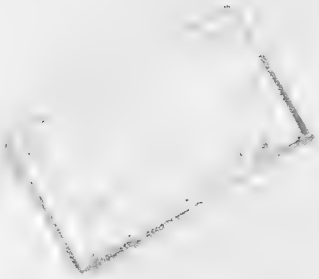
И это время настало. Воздадимъ же память *французскому* году въ Москвѣ, а голосъ Москвы пусть сдѣлается голосомъ всей Россіи!

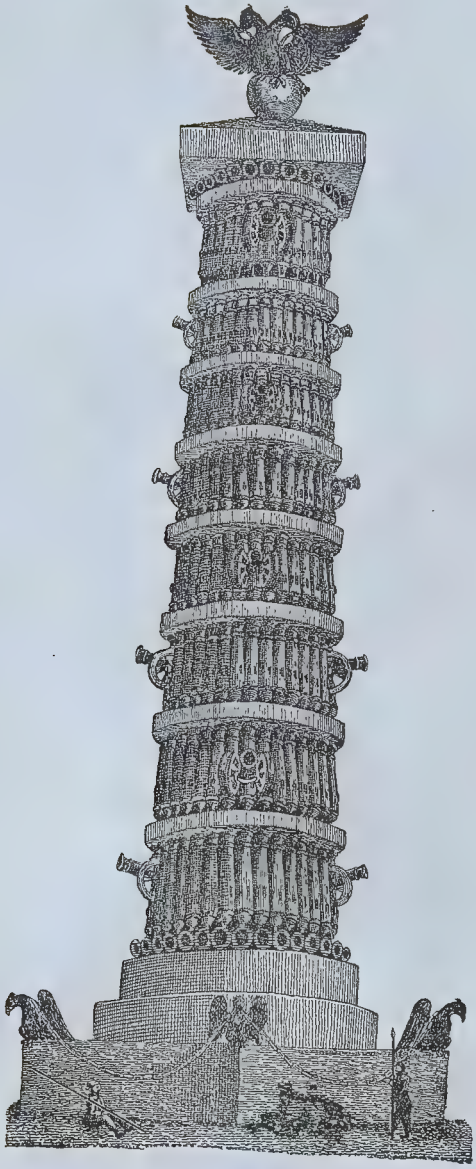
[22]) Ségur, II. 75.

Печатаніе этой брошюры подходило къ концу, когда въ газетахъ появилось извѣстіе, что Московская Городская Дума въ засѣданіи своемъ 4 Сентября единогласно постановила просить Городского голову возбудить ходатайство о томъ, чтобы музей въ память Отечественной войны 1812 года воздвигался бы именно въ Москвѣ

Итакъ, и второй этапъ въ славномъ дѣлѣ увѣковѣченія памяти приснопамятнаго года заложенъ. Остается съ нетерпѣніемъ ждать третьяго и послѣдняго— *Высочайшаго* соизволенія.

МОСКВА,
Типографія Штаба Московск. Воен. Округа.
Остоженка, домъ Военнаго Вѣдомства.





Проектъ памятника 1812 года въ Москвѣ изъ отбитыхъ непріятельскихъ орудій.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

ордер 221, обл. 1 с.
17.02.12